

А. ЕФИМЕНКО.

Городъ Харьковъ въ XVII—XVIII вв.

Историческая монографія

Д. И. Вагалѣя и Д. П. Миллера.

Рукопись. Харьковъ, 1903 г.

(Рецензія).

Настоящее сочиненіе представляет собой историческую монографію, посвященную предмету, который занимаетъ въ нашей научной литературѣ нѣсколько исключительное положеніе. Исключительно оно своей, такъ сказать, «заброшенностью», малымъ вниманіемъ, какое удѣляла ему до сихъ поръ наша историческая наука. Эволюція такого важнаго социально-культурнаго явленія, какъ городъ, не привлекаетъ нашихъ изслѣдователей ни со стороны того философски-теоретическаго интереса, какой, казалось бы, должно было возбуждать это явленіе, ни со стороны собиранія, группировки, обработки относящагося сюда конкретнаго, фактическаго матеріала.

Скудость нашихъ изученій предмета особенно кидается въ глаза при сопоставленіи съ тѣмъ, что сдѣлано и дѣлается по данному вопросу въ европейскихъ научныхъ литературахъ, особенно нѣмецкой. Возникновеніе и развитіе города вызвало здѣсь и продолжаетъ вызывать все новыя и новыя теоріи и гипотезы; масса монографій по исторіи отдѣльныхъ городовъ и городскихъ учреждений—во многихъ случаяхъ представляющихъ собою серьезные научные труды—создаетъ солидный фундаментъ для научныхъ обобщеній.

Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло у насъ, въ Россіи. Ни о какихъ самостоятельныхъ научныхъ обобщеніяхъ, касающихся даннаго предмета, у насъ не можетъ быть и рѣчи въ силу почти полнаго отсутствія того фактическаго матеріала, какой дается исторіей отдѣльныхъ городовъ. Ни одинъ русскій городъ не имѣетъ цѣльной, законченной исторіи, выдерживающей какую-нибудь, хотя бы самую снисходительную, научную критику.

Конечно, причина всего этого лежитъ не въ одной лишь относительной скудости научныхъ силъ, а еще гораздо болѣе и въ самой конкретной исторической дѣйствительности. Лишь на зарѣ нашей русской исторической жизни городъ игралъ въ русскомъ социальномъ строѣ ту же

значительную роль, какую игралъ въ западно-европейской жизни всегда, вплоть до новаго времени, когда и въ Европѣ онъ былъ поглощенъ государствомъ. Но это поглощеніе произошло въ Россіи не только значительно раньше, но и было несравненно интенсивнѣе. При томъ процессъ поглощенія одинаково захватилъ обѣ половины Русскаго государства, московскую, какъ и литовскую, не смотря на большую разницу въ ихъ историческихъ судьбахъ. Хотя литовская, или южно-русская, половина Россіи жила до своего соединенія въ историческихъ условіяхъ, представлявшихъ несравненно больше политической свободы и общественной самодѣятельности, но городъ, не смотря на предоставленную ему во многихъ случаяхъ автономію подъ видомъ Магдебургскаго, Хелмскаго и др. нѣмецкихъ правъ, не получилъ должнаго развитія въ силу обстоятельствъ, о которыхъ я считаю излишнимъ здѣсь распространяться.

И тѣмъ не менѣе нельзя не счесть извѣстной аномаліей, что русское общество и русская научная литература не имѣютъ солидныхъ монографій, касающихся историческихъ судебъ хотя бы такихъ центральныхъ культурныхъ пунктовъ, какъ: Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса. Москва уже почувствовала этотъ пробѣлъ и стремится его пополнить; но трудъ извѣстнаго историка Забѣлина, издаваемый Московской городской думой, появился лишь первою частью, которая на своихъ болѣе чѣмъ шестистахъ страницахъ даетъ много чрезвычайно интереснаго, провѣреннаго и хорошо сгруппированнаго матеріала, но мало исполняетъ по отношенію къ своему собственному обширному плану. Однако все-таки надо признать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ началомъ серьезнаго научнаго труда. Все остальное, что относится къ исторіи русскихъ городовъ, упомянутыхъ выше и иныхъ, стоитъ внѣ строго очерченныхъ предѣловъ исторической науки; въ лучшемъ случаѣ это лишь сырой научный матеріалъ, требующій не только обработки, но и критической провѣрки и оцѣнки.

На долю Харькова выпала честь первому въ ряду русскихъ городовъ выступить со своей научной исторіей. Правда, монографія Харькова въ XVII—XVIII вв. есть только первая часть труда, который имѣетъ быть доведенъ до настоящаго времени; но и въ этой своей части онъ представляетъ совершенно законченное цѣлое, которое и должно быть разсматриваемо какъ таковое.

Настоящая монографія написана професс. Д. И. Багалѣмъ и г. Д. П. Миллеромъ по порученію Харьковскаго городского общества къ предстоящему въ 1905 г. двухсотъ-пятидесятилѣтнему юбилею со времени основанія Харькова. Авторы приступили къ работѣ съ самаго начала 1897 г., и три года посвятили только собиранію матеріаловъ. Трудъ пришлось начинать почти во всѣхъ его частяхъ ab ovo. Тѣ два сочиненія по исторіи Харькова, какія существовали, т. е. «Историко-статистическое описаніе г. Харькова» С. И. Кованька и «Харьковъ, историко-статистическій опытъ» К. П. Щелкова, авторы оставили совсѣмъ въ

сторонѣ, какъ не удовлетворяющія современнымъ научнымъ требованіямъ. Печатнаго матеріала, пригоднаго для поставленныхъ цѣлей, оказалось очень мало. Такимъ образомъ, новая работа по исторіи Харькова должна была начаться съ архивныхъ изысканій. Авторамъ пришлось извлекать совершенно новый матеріалъ изъ Харьковского Историческаго Архива, Архива Харьковского Губернскаго Правленія, Харьковской Городской Думы, Межевого Отдѣленія Харьковского Губернскаго Правленія, Архивовъ Казенной Палаты и Духовной Консисторіи, Московскаго Архива Министерства Юстиціи и Московскаго отдѣленія Главнаго Штаба, Петербургскаго Военно-ученаго Архива, наконецъ, изъ Императорской публичной бібліотеки.

Въ результатѣ шестилѣтняго труда явилось настоящее изслѣдованіе, которое представляетъ собой пятнадцать главъ слѣдующаго содержанія: 1) Основаніе Харькова. 2) Топографія Харькова въ XVII—XVIII вв. 3) Составъ и движеніе населенія. 4) Харьковъ, какъ административный центръ. 5) Городское самоуправленіе. 6) Городское хозяйство. 7) Полиція и городское благоустройство. 8) Градостроительство. 9) Экономическій бытъ—промыслы, торговля и ремесла. 10) Повинности городского населенія. 11) Образованіе и школы. 12) Представитель мѣстной науки Г. С. Сковорода. 13) Театръ. 14) Домашній бытъ и нравы. 15) Церковь и духовенство.

Такимъ образомъ, перелъ нами—программа труда. Выполнена эта программа по преимуществу приѣмами описательнаго характера, но въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ напр., въ вопросѣ о возникновеніи города и т. п. авторамъ приходилось прибѣгать и къ научному анализу.

Что даетъ «Городъ Харьковъ въ XVII—XVIII вв.» по отношенію къ разработкѣ и освѣщенію своего предмета, къ какимъ выводамъ приходитъ трудъ? Прослѣдимъ все это шагъ за шагомъ.

Вопросъ о возникновеніи Харькова до сихъ поръ оставался вопросомъ открытымъ. Около него—какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ—накопилось извѣстное количество предположеній и догадокъ, не имѣющихъ за собой или вовсе или почти никакихъ научно обставленныхъ историческихъ основаній. Настоящій трудъ подвергаетъ всѣ эти догадки и предположенія пересмотру и критической оцѣнкѣ, удовлетворяя тѣмъ, конечно, не столько требованіямъ исторической науки, сколько потребностямъ мѣстнаго общества, естественно заинтересованнаго не только своей исторіей, но и своей, такъ сказать, исторіографіей. Затѣмъ выдвигается солидный научный арсеналъ, состоящій почти исключительно изъ источниковъ первой руки, при помощи которыхъ рѣшеніе вопроса обставляется съ исчерпывающей полнотой. Харьковъ возникъ въ $1\frac{1}{2}$ 17-го в., на Харьковскомъ городищѣ, имя котораго, какъ и имя р. Харькова, упоминается въ Книгѣ Большого Чертежа,—слѣдовательно, на территоріи стараго, выморочнаго заселенія. Заселеніе это, по всѣмъ вѣроятностямъ, надо отнести

къ домонгольскому періоду нашей русской исторіи: можно предполагать, что здѣсь былъ острожокъ Чернигово-Сѣверской земли съ смѣшаннымъ русско-тюркскимъ населеніемъ. Но точная исторія Харькова, основывающаяся на несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ, начинается лишь съ новаго заселенія выморочной территоріи малорусскими, черкасскими, выходцами. Извѣстно, что всѣ потрясенія, которыми была такъ богата исторія Малороссіи въ 17-мъ вѣкѣ, давали свои отложенія на территоріи Слободской Украины. Появленіе населенія на Харьковскомъ городищѣ было, конечно, однимъ изъ такихъ отложеній. Но къ какому точно опредѣленному историческому моменту надо его приурочить, теперь рѣшить невозможно. Достоверно извѣстно, что въ 1654 г. черкасы уже сидѣли на городищѣ; что они поселились незадолго, такъ какъ ихъ называютъ «новоприбытными»; что они прибыли большою партіей, такъ какъ сразу обстроили своими дворами городище, имѣвшее въ окружности 530 сажень, и представляли собою, по списку 1655 г., 587 душъ служилыхъ людей. Черкасы эти были на своей родинѣ посполитые люди, судя по тому, что московскій воевода называетъ ихъ «сбродомъ мужиковъ деревенскихъ»; но они осѣли, какъ военно-служилая группа—козаки. Они раздѣлились на сотни, которыя подраздѣлились на десятки; во главѣ ихъ стоялъ атаманъ. Московское правительство отдало ихъ въ вѣдѣніе чугуевского воеводы, подъ руководствомъ котораго они тотчасъ же устроили какое-то укрѣпленіе; однако устроили по своему «извычаю». Кромѣ дѣланія острога и его защиты, на обязанности этихъ первыхъ харьковскихъ поселенцевъ лежало еще «ѣздить по вѣстямъ на сторожи» и исполнять иныя обязанности по оборонѣ отъ татаръ, которые постоянно рыскали въ окружающихъ степяхъ, грозя ежеминутно плѣномъ и раззореніемъ. Но харьковскіе черкасы предпочитали заниматься своимъ хозяйственнымъ благоустройствомъ, строиться дворами, обзаводиться хлѣбомъ, распахивать пашню и прокладывать дорогу въ Торъ, т. е. Славянскъ, чтобъ ѣздить туда за солью. Это послѣднее обстоятельство возбуждало большое неудовольствіе московскаго правительства, такъ какъ по проложеннымъ дорогамъ пробирались татары внутрь края. Съ 1656 г. къ харьковскимъ черкасамъ, вмѣстѣ съ хорошевскими, былъ приставленъ особый воевода. Тотчасъ же начались столкновенія между черкасами и ихъ московскимъ начальствомъ. Воевода горько жаловался въ Москву, что харьковскіе черкасы его не слушаютъ, ничего должнаго не исполняютъ, а только безпрестанно пьютъ и бранничаютъ, и унять ихъ нечѣмъ. Главнымъ же пунктомъ его жалобныхъ донесеній было то, что харьковцы не хотятъ строить крѣпости по общепринятому московскому типу. Однако, какъ-ни-какъ, а поселенцы должны были приняты за постройку крѣпости на крымской сторонѣ р. Харькова и ногайской—р. Лопани и сдѣлали ее въ теченіе 1656—58 г.г.: этими годами помѣчены «строельныя книги городу Харькову». Появленіе крѣпости есть необходимое формальное условіе для возникновенія города.

Такимъ образомъ окончательно рѣшается вопросъ объ установленіи для г. Харькова хронологической даты.

Итакъ, г. Харьковъ явился на свѣтъ, какъ военно-оборонительный пунктъ, заселенный черкасами, т. е. малорусскими казаками. Этими двумя факторами и опредѣлилась прежде всего фізіономія города и развитіе тѣхъ внѣшнихъ чертъ, которыя составляютъ его топографію. Крѣпость, или «замокъ», по терминологіи, принесенной черкасами съ ихъ родины, былъ въ первую эпоху существованія Харькова тѣмъ центромъ, около котораго сосредоточивалось вниманіе государства; все остальное было въ его глазахъ лишь несущественнымъ придаткомъ. Сохранилось восемь описаній Харькова отъ 17-го в., но это лишь описанія его крѣпости. Описанія эти не имѣютъ особаго интереса, такъ какъ Харьковская крѣпость представляла собой лишь обычный средній типъ московскаго украинскаго укрѣпленія. Положеніе города не было настолько выдвинутымъ и угрожаемымъ, чтобы на немъ стоило сосредоточивать особыя заботы; и хотя татары даже въ 1680 г. подходили къ городу, но не только незамѣтно усиленія крѣпостныхъ сооружений, а, наоборотъ, къ концу 17-го в. замѣтна въ отношеніи ихъ небрежность и запущенность. Извѣстный поворотъ въ положеніи дѣла дала Шведская война, когда Петръ В. принялъ усиленные мѣры къ укрѣпленію Харькова. Надо думать, что именно въ это время городъ принялъ по отношенію къ району своей укрѣпленности тотъ видъ, какой констатируется обстоятельнымъ планомъ 1787 г. По даннымъ этого плана, центральное укрѣпленіе, т. е. замокъ, соответствовавшее городищу и первоначальной крѣпости, захватывало собой ту часть города, гдѣ помѣщается теперь соборъ, присутственные мѣста, пассажъ, гостинный дворъ, университетъ и монастырь. Но, кромѣ этого внутренняго укрѣпленія, было еще внѣшнее, состоявшее изъ земляного вала съ нѣсколькими башнями. Это внѣшнее укрѣпленіе захватывало значительную часть теперешняго Харькова. Валъ проходилъ по Михайловской и Вознесенской площадямъ, направляясь черезъ усадьбу Фриде (гдѣ была губернаторская квартира) къ той мѣстности, гдѣ Рымарская ул. соединяется съ Сумской, и далѣе, къ концамъ улицъ Рогатинской и Мордвиновской; дальше онъ пересѣкалъ Большую Панасовку и шелъ вдоль Тюремной къ Средне-Гончаровской и Сѣриковской ул.; потомъ направлялся по Москалевкѣ и тому пункту, гдѣ Екатерининская ул. пересѣкается Воскресенскимъ переулкомъ, и далѣе, къ соединенію Ващенковскаго переулка съ Грековской ул., а оттуда къ теперешнему Кузнецкому мосту. Конечно, въ концѣ 18-го в., къ которому относится планъ, всѣ эти укрѣпленія были уже предоставлены уничтоженію за полной ихъ ненужностью. Значительное протяженіе внѣшнихъ укрѣпленій краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ натискѣ, какой оказывало черкасское населеніе города, усиленно стремившееся къ широтѣ и свободѣ въ своей осѣдлости. Не успѣли черкасы осѣсть на харьковскомъ городищѣ, какъ

уже воевода, въ 1658 г., жалуется государю, что «живуть всё они въ лѣсахъ, по хуторамъ и по пасѣкамъ своимъ, а въ городѣ только чуть не пусто». И, если власть московскаго начальства—да и соображенія безопасности,—могли ограничить ихъ стремленія къ отдаленнымъ «хуторамъ и пасѣкамъ», то все-таки харьковскіе черкасы селились внѣ черты замка, возможно шире располагаясь своими усадьбами. Сохранился одинъ любопытный документъ отъ 1724 г.—описаніе городскихъ приходовъ. Передъ нами казацкій, черкасскій Харьковъ какъ на ладони. Въ немъ 10 приходовъ, къ которымъ относится 57 улицъ. Но совершенно ясно, что это не городскія улицы, а то, что называется въ малорусскомъ селѣ кутками. Каждый кутокъ заключалъ въ себѣ среднимъ числомъ уже больше двадцати дворовъ, но не мало было еще кутковъ съ 2—10 дворами, а встрѣчается случай, когда кутокъ состоялъ изъ одного двора, нося все-таки названіе улицы: «улица къ Сизіону». Большинство кутковъ въ своихъ названіяхъ сохранило имя своего первоначальнаго насельника: улица Борисенкова Пушкаря, улица Богодуховскаго Семена, Еношина, Пѣстуннова, Котлярова и т. д.; при чемъ въ названіи дворовъ встрѣчается имя, давшее названіе улицѣ. Въ нѣкоторыхъ дворахъ встрѣчаются и подусѣдки. Однимъ словомъ, передъ нами настоящее южно-русское село, которое раскинулось въ живописномъ безпорядкѣ по берегамъ двухъ рѣчекъ, съ бѣлыми хатами подъ соломенными стрѣхами, въ зеленыхъ садкахъ, окруженныхъ плетнями, съ плотинами и мельницами, съ невылазной грязью въ дождливую пору. За чертой городской осѣлости, опредѣляемой валомъ, находились «пидварки»,—хозяйственные хутора, число которыхъ переписи Хрушова 1732 г. опредѣляетъ въ 35. Только къ 1765 г., когда Харьковъ сдѣлался впервые губернскимъ центромъ, является мысль о его расплачиваніи. По количеству плановъ Харькова, дошедшихъ до насъ отъ второй половины 18-го в., можно судить, что мысль эта не осталась втунѣ. Но, очевидно, для осуществленія ея встрѣчались большія препятствія. По крайней мѣрѣ, академикъ Зуевъ, который посѣтилъ Харьковъ въ 1781 г., опредѣленно указываетъ на отсутствіе плана и деревенскую безпорядочность въ расположеніи Харькова. Однако, въ самомъ концѣ столѣтія, въ 1794 г., мы уже встрѣчаемъ названія теперешнихъ главнѣйшихъ улицъ—Екатеринославской, Московской, Панасовской, Сумской, Москалевской, слѣдовательно, уже намѣтили тѣ главнѣйшія линіи, которыми опредѣляется современная топографическая физіономія Харькова.

Населеніе Харькова было вначалѣ вполнѣ однородное, какъ этнографически, такъ и социально: военно-служилые черкасы, т. е. малорусы, обязанные государству казацкой службой. Кромѣ того, проживало въ Харьковѣ еще небольшое число великорусскихъ служилыхъ людей, группировавшихся около московскихъ воеводъ для разныхъ личныхъ и служебныхъ ихъ надобностей. Число великоруссовъ временами сильно увеличивалось, съ 5%—8% до 20% и даже болѣе, смотря по потребностямъ

момента; но ни абсолютная величина великорусскаго элемента, ни колебанія этой величины не представляли собой ничего правильнаго и постояннаго. Это былъ элементъ пришлый и случайный, въ полномъ смыслѣ этого слова; съ уничтоженіемъ воеводскаго управленія, въ 1706 г., онъ совсѣмъ исчезаетъ. Кромѣ служилыхъ людей великорусскаго происхожденія, въ Харьковѣ всегда проживало еще нѣкоторое количество великоруссовъ «безъ службъ», ради пѣлей труда и промысла; однако количество это было незначительно. Даже въ 1732 г., къ которому относится обстоятельная перепись Хруцова, великоруссы составляли всего лишь 6% харьковскаго населенія. Усиленіе великорусскаго элемента наступило съ Екатерининскими реформами, которыя двинули сюда великорусское чиновничество и вообще произвели коренную ломку во всемъ укладѣ мѣстной общественной жизни. Но еще до наступленія этой ломки среди самого малорусскаго элемента, вполне однороднаго вначалѣ, уже произошла значительная дифференціація. Она была неизбежна. Въ первую эпоху своей жизни на новосельѣ, Харьковскіе черкасы всѣ одинаково имѣли на своей обязанности лишь строить городъ и нести полевую сторожу отъ татаръ; но когда городъ былъ отстроенъ, а опасность отъ татаръ постепенно уничтожалась, положеніе дѣла измѣнилось. Кромѣ поддержанія города и «городовой службы», отъ нихъ потребовалась «служба полковая», имѣвшая цѣлью удовлетвореніе не мѣстныхъ лишь, а общегосударственныхъ потребностей. Полковая же служба была сложное и трудное дѣло. Она отбывалась конно; для нея требовалось соответствующее дорогое вооруженіе, одежда; наконецъ, она отрывала человѣка совершенно отъ домашняго хозяйства: не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы все способное мужское населеніе отбывало ее поголовно. Такимъ образомъ лишь извѣстная часть всего военнотрудоваго черкаскаго населенія могла отбывать полковую службу лично; остальные лишь участвовали въ такой или иной мѣрѣ въ снаряженіи такого коннаго воина-казака. Къ началу 18-го стол. эти отношенія были уже установившимся фактомъ: одни казаки, отбывавшіе конную службу лично, назывались выборными, рядовыми; другая часть, превышавшая численностью первую въ три-четыре раза, состояла въ подпомощникахъ. Это было первымъ условіемъ соціальной дифференціаціи. Второе заключалось въ характерѣ занятій. Переселенцамъ предоставлено было право занимать землю и пользоваться свободой всякаго рода занятій. Такимъ образомъ, одни и, конечно, «заможнѣйшіе»—благодаря ли большому количеству рабочихъ рукъ, или запасному капиталу, въ видѣ скота орудій, денегъ—занимались «пашней», другіе—остались при разнаго вида промыслѣ и ремеслѣ. Ремесленники, слѣдуя обычаю, вынесенному съ малорусской родины, сгруппировались тотчасъ же въ цехи. Такимъ образомъ, одна и та же группа харьковскихъ черкасъ, однородная этнографически и соціально, появляется въ документахъ подъ очень пестрой терминологіей: «черкасы пашенные», «черкасы полевой службы», «черкасы городской

службы», «пѣшіе черкасы городской службы», «цеховые». Особенно послѣдній терминъ можетъ вызвать большія недоразумѣнія: харьковскіе «цеховые» 17-го в. совсѣмъ не то, что цеховые по Петровскому указу 1722 г. и Екатерининской жалованной грамотѣ городамъ 1785 г.—достаточно сказать, что къ нимъ одинаково прилагается терминъ «мѣщане» и «пѣшіе черкасы городской службы». Изъ однородной группы черкасъ выдѣляется за этотъ періодъ исторіи Харькова, который можно назвать казацкимъ, казацкая старшина, но выдѣляется пока фактически, а не юридически. Дворянства еще нѣтъ, какъ нѣтъ и крѣпостныхъ. Реформы царствованія Екатерины II все измѣнили въ этомъ положеніи. Сначала, съ 1765 г., казацкое населеніе Харькова было обращено въ войсковыхъ обывателей, обязанныхъ выставять рекрутъ въ гусарскіе полки. Затѣмъ войсковые обыватели должны были перейти въ купцы и мѣщане, такъ какъ, въ силу Учрежденія о губерніяхъ, въ Харьковѣ былъ открытъ губернскій магистратъ, распространявшій свою компетенцію лишь на купечество и мѣщанство: а «такъ какъ не можетъ быть правительства, гдѣ нѣтъ подчиненныхъ», то подчиненные и должны были появиться. Получившая дворянскія права казацкая старшина начала исподволь обзаводиться крѣпостными, сначала исключительно великорусскаго происхожденія. Гор. Харьковъ, по отношенію къ соціальному характеру своего населенія, съ Екатерининскими реформами получилъ тѣ черты, которыя подвели его подъ общій типъ русскаго города. Что касается цифры населенія и ея движенія, то можно сказать, что Харьковъ развивался хотя медленно, но правильно. Первая документально извѣстная намъ цифра харьковскихъ черкасъ—587 военнослуживыхъ людей, что, по толкованію авторовъ монографіи, составляетъ 1500—1800 жителей; по переписи Хрущева 1732 г., мы имѣемъ въ Харьковѣ около 7¹/₂ тысячъ человѣкъ обоого пола; по даннымъ ревизіи 1785 г. и 1788 г.—нѣсколько больше десяти тысячъ.

Съ первыхъ моментовъ своего возникновенія Харьковъ обнаружилъ опредѣленную тенденцію къ росту и расширенію сферы своего вліянія. Лишь лѣтъ десять или немногимъ больше просуществовалъ Харьковъ какъ казацкій городокъ, управляемый своимъ выборнымъ атаманомъ, который находился, конечно, въ распоряженіи воеводы. Съ 1668 г., несомнѣнно, а можетъ быть и раньше, онъ уже выступаетъ, какъ полковой городъ Харьковскаго полка, выдѣлившагося изъ полка Бѣлгородскаго. Такимъ образомъ Харьковъ дѣлается административнымъ центромъ для двухъ властей: воеводской—московской и полковой—казацкой. Конечно, всяческія столкновенія и недоразумѣнія были неизбѣжны, а когда, съ возникновеніемъ г. Изюма и появленіемъ Изюмскаго полка, исчезъ окраинный характеръ Харькова, правительство нашло возможнымъ, въ 1706 г., уничтожить воеводу. Харьковъ остался центромъ казацкой полковой администраціи съ ея типичнымъ обликомъ: съ шестью, кромѣ полковника, представителями полковой старшины (обозный, судья, эсаулъ, хорунжій, два писаря),

съ полковой радой, съ раздѣленіемъ на сотни, изъ которыхъ каждая воспроизводила въ миниатюрѣ и сокращеніи тотъ же полковой строй. Но выборное начало, характеризовавшее собой исконное казацкое управленіе, скоро было ограничено и замѣнено назначеніемъ. Территорія Харьковскаго полка заключала въ себѣ приблизительно территоріи теперешнихъ уѣздовъ: Харьковскаго, Волчанскаго, Валковскаго, Змѣевского; дѣлилась она, по переписи 1732 г., на 17 сотенъ. Какъ полковой городъ Харьковъ перестаетъ существовать съ 1765 г.; но съ реформой онъ лишь вырастаетъ въ своемъ административномъ значеніи, дѣлаясь губернскимъ городомъ Слободско-Украинской губерніи, заключавшей въ себѣ территорію пяти слободскихъ полковъ: кромѣ Харьковскаго, — Сумской, Ахтырскій, Изюмскій и Острогжскій. Съ учрежденіемъ въ 1780 г. Харьковскаго намѣстничества, для котораго Харьковъ опять-таки былъ центромъ, харьковская территорія еще увеличилась присоединеніемъ части бывшей Бѣлгородской губ. Почти въ тѣхъ же предѣлахъ осталась она и въ 1797 г., когда Харьковское намѣстничество снова было превращено въ Слободско-Украинскую губ.

Но что же представлялъ Харьковъ внутри себя какъ юридическая единица? Заселившіе Харьковъ черкасы имѣли понятіе, вынесенное со своей малорусской родины, о городскомъ самоуправленіи: въ Малороссіи было много городовъ «упривилъеванныхъ», т. е. пользовавшихся магдебургскимъ или инымъ нѣмецкимъ правомъ, выдѣлявшимъ городъ въ автономическую единицу. Но принесли ли они что-нибудь изъ этого европейскаго строя жизни на новую почву — трудно сказать: если и принесли, то во всякомъ случаѣ принесенное тотчасъ же выродилось и исчезло. Когда Харьковъ выступаетъ съ опредѣлившейся фizioноміей, съ начала 18-го в., то онъ выступаетъ, не какъ заключенная въ себѣ единица, а какъ составная часть казацкаго полка, представляющаго собой юридическое лицо. Харьковъ — это двѣ сотни полка, при чемъ сотни эти заключаютъ и казаковъ подгородныхъ слободъ. Извѣстный шагъ къ выдѣленію города изъ территоріи дѣлается лишь съ реформой 1765 г. Городскую самостоятельность представляетъ сначала выборный атаманъ, а съ 1767 г. уже и городской голова; но первое время должность эта была совершенно номинальной. Городскому головѣ нечего было дѣлать, такъ какъ не было городского общества въ томъ спеціальному смыслѣ, какъ это понимало законодательство: войсковые обыватели и бывшая казацкая старшина, хотя и проживали въ Харьковѣ, но не были по закону сословіями городскими. Неопредѣленное положеніе вещей стало приходить къ опредѣленности съ 1780 г. На Харьковъ было распространено то городское устройство, которое введено было въ Россіи Петромъ I-мъ, а затѣмъ расширено и упорядочено Екатериной II — магистратское самоуправленіе. Появляется Городовая Магистратъ, а затѣмъ Общая и Шестигласная дума. Войсковые обыватели, желающіе пользоваться «мѣщанскими выго-

дами», т. е. заниматься торговлей и ремеслами, переписываются въ купечество и мѣщанство; великорусскіе купцы и посадскіе, проживавшіе постоянно въ Харьковѣ, но юридически иногородніе, теперь также приписываются къ Харьковскому городскому обществу. Харьковъ начинаетъ функционировать какъ городъ, въ общерусскомъ смыслѣ этого слова. Но вновь и на скорую руку прилаженный механизмъ дѣйствуетъ на первыхъ порахъ очень туго. То «градское общество» становится въ антагонизмъ къ своему магистрату, то дума къ своему головѣ, то голова къ магистрату; составленіе обывательскихъ книгъ—казалось бы столь простое и вмѣстѣ съ тѣмъ насущно необходимое дѣло—тянется годы, встрѣчая какія-то непреодолимые препятствія, пока волненіе по поводу пріѣзда Екатерины II и желаніе показать, что «подданные наслаждаются ея матерними щедротами» не беретъ верхъ надъ всѣми препятствіями; отношеніе магистрата къ думахъ, отношеніе общей думы къ шестигласной неясны и неопредѣленны; городскіе доходы прилипаютъ къ рукамъ, черезъ которыя проходятъ, и нѣтъ возможности добиться отчетности; мирные и добродорядочные граждане изъ всѣхъ силъ отбиваются отъ чести быть выборными представителями городского самоуправления. Надъ всѣмъ царитъ произволъ администраціи, который не даетъ укорениться и безъ того слабымъ побѣгамъ новыхъ учреждений, вынесшихъ нѣсколько пересадокъ и прививокъ. Губернаторы отдають приказы городскимъ учреждениямъ, совершенно не справляясь съ установленнымъ закономъ предѣлами ихъ взаимной компетенціи; вслѣдъ за губернаторами и чины полиціи позволяютъ себѣ безцеремонно вмѣшиваться въ кругъ вѣдѣнія думы и распоряжаться по произволу. Однимъ словомъ, общая картина положенія городского самоуправления въ концѣ 18-го вѣка такова, что все совершавшееся тогда въ сферѣ городской общественной жизни лишь очень условно можно назвать самоуправленіемъ.

Въ правильномъ соотвѣтствіи со всѣмъ изложеннымъ выше совершалась и эволюція городского хозяйства. Пока Харьковъ былъ полковымъ городомъ, онъ не имѣлъ собственнаго хозяйства, выдѣленнаго изъ полковой территоріи. Не только крѣпостныя сооруженія, но и публичныя зданія, мосты, выравниваніе улицъ—всѣ потребности города удовлетворяются или личнымъ трудомъ всѣхъ сотнянъ Харьковскаго полка, или деньгами изъ полковой казны. Нѣкоторые измѣненія, въ смыслѣ приуроченія извѣстныхъ мѣстныхъ доходовъ къ мѣстнымъ расходамъ, замѣчаются лишь съ половины 18-го вѣка. Но рѣшительный поворотъ наступаетъ лишь съ 1780 г., и въ особенности съ 1785 г., когда въ роли хозяйки города выступаетъ дума: Харьковъ получаетъ свое собственное самостоятельное хозяйство. Но до конца столѣтія оно, это хозяйство, не успѣваетъ приобрести упорядоченный характеръ. Большія затрудненія встрѣтило оно въ установленіи источниковъ дохода. Никакихъ оброчныхъ статей у города не оказалось: лѣса, сѣнокосы, выгоны—все это было или частной собствен-

ностью или общественной собственностью войсковыхъ обывателей, которые, хотя и жили въ Харьковѣ, но юридически стояли внѣ городского общества. Необходимо было прибѣгнуть къ обложенію тѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ харьковскому купечеству и мѣщанству, которые извлекали выгоды изъ торговли и ремеслъ, какъ занятій, по существу, городскихъ: иногороднихъ, иностранцевъ, разночинцевъ. Изъ попытокъ такого обложенія вытекали недоразумѣнія и споры, исходъ которыхъ былъ не всегда въ пользу города, особенно если дѣло касалось лицъ привилегированнаго общественнаго положенія. Безспорными доходами города были сборы съ ярмарочныхъ мѣстъ, съ вѣсовъ, позже—съ городскихъ лавокъ. Но самымъ значительнымъ городскимъ доходомъ была «винная сумма»: городу предоставлено было правительствомъ то, что раньше составляло право каждаго обывателя—курение и шинкованье горѣлки. Такимъ образомъ, въ общей сложности городъ имѣлъ достаточно средствъ, чтобы удовлетворять свои насущные скромные расходы,—тѣмъ не менѣе онъ не удовлетворялъ ихъ. Городскіе доходы были или въ недоимкахъ, или на рукахъ у представителей городской власти и городскихъ учреждений, откуда нельзя было ихъ высвободить. Но главной причиной хронически безнадежнаго разстройства городскихъ финансовъ былъ произволъ администраціи, которая не хотѣла признавать никакой хозяйственной самостоятельности города. На городъ сыпались самыя неожиданныя приказанія со стороны губернатора о такихъ или иныхъ расходахъ, такихъ или иныхъ выдачахъ, и дума, послѣ немногихъ слабыхъ и безуспѣшныхъ попытокъ протестовать, въ концѣ-концовъ была вынуждена безпрекословно повиноваться. Такимъ образомъ, городъ тратилъ свои средства на предметы, не имѣющіе никакого отношенія къ мѣстнымъ городскимъ нуждамъ, иногда даже не касающіеся и нуждъ общегосударственныхъ: приобрѣтеніе колокола, починки часовъ въ губернаторскомъ домѣ, даже заемъ личному знакомому губернатора. При такихъ условіяхъ правильное развитіе городского хозяйства оказывалось невозможнымъ. Но, поскольку можетъ быть рѣчь о его характерѣ, то слѣдуетъ признать, что органы яко бы городского самоуправления значительно меньше служили своимъ собственнымъ, мѣстнымъ городскимъ нуждамъ, чѣмъ нуждамъ общегосударственнымъ, а также прихоти и произволу мѣстной администраціи.

При такомъ положеніи дѣла является довольно естественнымъ, что городское благоустройство, понимаемое какъ въ узкомъ смыслѣ—чистоты, удобопроходимости улицъ и т. п., такъ и въ болѣе широкомъ—полиціи пожарной, торговой, санитарной, медицинской, все это было дѣломъ рукъ правительства и администраціи, а не обывателей или городскихъ учреждений, игравшихъ въ этомъ отношеніи самую незначительную и пассивную роль. Всегда хозяйственное московское правительство еще харьковскимъ воеводамъ предписывало, чтобы «все отъ огня было бережно». Городъ, застроенный соломенными хатами, плетнями, хлѣбными гумнами,

такъ часто и жестоко страдалъ отъ пожаровъ, что даже полковое казачье управленіе, понуждаемое правительствомъ, завело кое-какой пожарный обозъ и наложило на жителей, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ предохранительныхъ мѣръ (не топить хатъ лѣтомъ, не зажигать огня вечеромъ и т. п.), повинность являться на пожаръ и держать при хатахъ бочки съ водой и др. снаряды; къ предохранительнымъ мѣрамъ относился рядъ мѣръ, направленныхъ противъ подозрительныхъ людей, въ которыхъ усматривали «паліевъ». Но обыватели видимо не были расположены итти навстрѣчу какому-либо начинанію начальства по отношенію къ противопожарнымъ мѣрамъ и плохо исполняли даже прямые приказанія. Съ реформами Шербинина 1765 г., и въ особенности съ учрежденіемъ намѣстничества, администрація рѣшительно беретъ на себя заботу о тушеніи пожаровъ: появляется въ Харьковѣ постоянная пожарная команда съ своими лошадьми и пожарными. Но если Харьковскіе обыватели не проявляли никакого желанія содѣйствовать властямъ въ дѣлѣ такого очевиднаго и насущнаго интереса всѣхъ и каждаго, какъ пожары, то тѣмъ менѣе можно было ждать отъ нихъ заботы о чистотѣ улицъ, осушиваніи городской территоріи, мощеніи ея. Все, что дѣлалось въ этомъ отношеніи въ казачій періодъ исторіи Харькова, дѣлалось по настоянію «генералитета», какъ вещь, совсѣмъ не нужная харьковскимъ обывателямъ, а лишь случайно потребная лицамъ этого генералитета. Появляется въ Харьковѣ по обязанностямъ службы какой-нибудь военный генераль и требуетъ, чтобы на топкихъ мѣстахъ были гати и черезъ протоки—мостки («дабы артиллерію безъ надорванія лошадей провозить было можно» или «чтобы не было совершенной гибели лошадямъ»),—и вотъ появляются мостки и гати до новаго требованія. Правильная забота о городскомъ благоустройствѣ наступаетъ опять-таки лишь съ реформой, когда начинается рытье канавъ для просушки городской территоріи, крайне грязной и болотистой; за рытьемъ канавъ является забота о мощеніи города на первый разъ фашинникомъ и пескомъ. Пріѣздъ Екатерины значительно содѣйствовалъ городскому благоустройству, хотя больше съ показной его стороны. Но, не смотря на все это, состояніе города, какъ съ точки зрѣнія удобствъ, такъ и въ отношеніи санитарномъ, было крайне плачевное. Обыватели старались, съ своей стороны, сдѣлать изъ города, и безъ того очень невыгодно расположеннаго, нѣчто отвратительное. На улицахъ валялись навозъ и падалъ; рѣки, перехваченныя плотинами, представляли собой «навозную настойку»; отъ зловонія во многихъ мѣстахъ «едва было пройти можно». Время отъ времени «для болѣзненныхъ припадковъ», т. е. ради эпидемій, поднималась генеральная чистка; но результаты ея быстро поглощались обычной неряшливостью харьковского обывателя. Сколько-нибудь правильная забота о санитарномъ состояніи города наступаетъ только съ конца 18-го в., съ учрежденіемъ въ 1796 г. врачебной управы. Лишь по отношенію къ одной сторонѣ

городской жизни проявил заботу казацкій Харьковъ—это по отношенію къ урегулированію отношеній торговыхъ: еще до реформы 1765 г. полковныя учрежденія заботились о введеніи казенныхъ мѣръ и вѣсовъ, установлена такса на сѣбтные припасы, сдѣланы ограниченія по отношенію времени продажи горячихъ напитковъ и т. п. Рано давалъ себя чувствовать торговый характеръ Харькова съ его «знатными четырьмя ярмарками». Полковой Харьковъ не имѣлъ никакихъ специальныхъ органовъ полицейской власти, функціи которой, въ видахъ удовлетворенія потребностей данного момента, поручались то тому, то другому полковому чиновнику. Лишь съ учрежденіемъ губерніи появляется специальная полиція, въ видѣ комиссаровъ съ фартальными приставами, а намѣстничество ставитъ во главѣ полиціи городничаго. Къ этому только времени относится появленіе обывательской полиціи, въ видѣ десятскихъ и сотскихъ, составлявшей натуральную повинность обывателей.

Харьковское градостроительство еще разъ и наглядно воспроизводитъ тѣ же общія черты несложной исторіи города. Черкасы, раскинувшись своими дворами внѣ крѣпости, думали единственно о просторѣ и привычныхъ удобствахъ, а не о правильности или красотѣ поселенія: каждому нуженъ былъ просторный дворъ съ огородомъ, садомъ, левадой. Такимъ образомъ, казацкій Харьковъ былъ исключительно деревянный и соломенный и при томъ вполнѣ безпорядочный. Тѣ общественныя сооруженія, о которыхъ прежде всего заботились обыватели, т. е. церкви, также были маленькія и деревянныя, при чемъ черкасы, по донесенію въ Москву мѣстнаго воеводы, молились «бумажнымъ листамъ своему литовскому письму и стѣнамъ». Но уже въ 1688 г. Успенская церковь въ крѣпости перестраивается въ каменную, вскорѣ является и еще каменная церковь—Покровская, а постепенно и внѣ крѣпости строятся каменные церкви. Однимъ словомъ, къ концу казацкаго періода исторіи Харькова въ немъ было четыре каменныхъ церкви и каменное же зданіе коллегиума: всѣ остальные зданія, казенныя и общественныя, какъ-то—братерскіе дома, шпитали, школы и лавки, уже не говоря о частныхъ домахъ—все было деревянное. вмѣстѣ съ учрежденіемъ губерніи, является попытка и распланировать городъ. Конечно, распланировка эта не могла быть легкимъ дѣломъ: она вызывала массу споровъ, недоразумѣній, жалобъ, поводовъ къ притѣсненіямъ—съ одной стороны, къ попустительству—съ другой. вмѣстѣ съ тѣмъ центръ города началъ застраиваться общественными зданіями, между которыми первое мѣсто занималъ губернаторскій домъ. Открытіе намѣстничества дало поводъ къ устройству большого количества присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ зданій. Къ пріѣзду Екатерины мѣстная администрація постаралась придать городу возможно благообразный видъ, но лишь при посредствѣ разныхъ эфемерныхъ сооружений и приспособленій, которыя дорого обошлись городу и тяжело отразились на многихъ обывателяхъ, но мало оставили послѣ

себя чего-нибудь существеннаго. Однимъ словомъ, къ началу 19-го столѣтія въ Харьковѣ была правильно распланирована и по-городски обстроена центральная часть, т. е. часть, соотвѣтствовавшая замку, но даже улицы, ближайшія къ центру, какъ напр., Благовѣщенская, были еще покрыты хатами съ соломенными крышами, а дальше все представляло лишь «дворы крестьянъ-хлѣбопашцевъ», по выраженію губернатора Теплова.

Харьковъ очень рано—еще въ 17-мъ в.—выступаетъ какъ торговый центръ для обширной территоріи; но все-таки это не было его первоначальнымъ характеромъ. Черкасское населеніе, расположившись въ Харьковѣ, прежде всего является населеніемъ земледѣльческимъ. Оно широко пользуется своимъ правомъ «вольной заимки», захватываетъ обширные участки, устраиваетъ на нихъ хутора и пасѣки. Обиліе хлѣба тотчасъ же вызываетъ широкое развитіе винокуренія, право на которое было также предоставлено слободскимъ черкасамъ. Занимались винокурениемъ и шинкованіемъ всѣ, кто имѣлъ возможность, и на первомъ планѣ, въ дореформенный періодъ, казацкая старшина, а позже всякіе гражданскіе и военные чины; собственные шинки имѣли церкви, священно-и церковнослужители. Сбывалась горѣлка на югъ, на Донъ и въ Запорожскую Сѣчь, въ разныя мѣстности Малороссіи и Новороссіи. Въ связи съ развитіемъ хлѣбопашества стояло еще мельничество, представлявшее собой и въ тѣ времена въ Харьковѣ уже особый промыселъ. Затѣмъ необходимо указать на раннее развитіе ремесла и мелкаго домашняго, или кустарнаго, промысла; нѣкоторые виды этого промысла составляли спеціальность харьковского населенія, какъ напр.: копарство (коць—коверъ), рымарство, приготовленіе лемешей и чересель. Но самое выдающееся явленіе экономической жизни Харькова, конечно, составляла его торговля. Она начала развиваться сначала лишь на почвѣ обилія мѣстности хлѣбомъ, скотомъ, горѣлкой въ связи съ относительнымъ многолюдствомъ города: уже въ 1659 г., т. е. спустя лишь нѣсколько лѣтъ по заселеніи Харькова, учреждается первая изъ четырехъ его ярмарокъ. Первоначальный характеръ торговли хорошо опредѣляется словами академика Зуева, сказанными имъ въ примѣненіи къ пореформенному времени, но тѣмъ болѣе примѣнимыми ко времени дореформенному: «Каждый почти изъ жителей есть и обыватель, и пахарь, и купецъ, и садовникъ, и службу отправляющій житель». Но торговля всегда имѣетъ тенденцію къ выдѣленію и обособленію. Велико-русскій элементъ является для Харькова спеціальнымъ представителемъ торговаго промысла: присутствіе его устанавливается данными переписи Хрущева 1732 г. Вообще, дальнѣйшій ростъ Харькова, какъ торговаго центра, находится въ связи съ крупными измѣненіями торговыхъ путей—въ зависимости отъ политическихъ измѣненій, какія принесъ съ собой для русскаго государства 18-й вѣкъ: морская торговля черезъ Петербургскій и Рижскій порты отодвигаетъ на второй планъ старую сухопутную торговлю съ Германіей, заселеніе Новороссіи придвинуло Россію къ

31878

берегамъ Азовскаго и Чернаго морей и ослабило старое значеніе Малороссіи для торговли съ азіатскимъ югомъ. Въ перестраивающейся сѣти торговаго движенія Харьковъ оказался благопріятно расположеннымъ въ качествѣ транзитнаго узла между сѣверомъ и югомъ, и дальнѣйшій его ростъ опредѣлялся уже этимъ условіемъ. Азовскіе и черноморскіе порты, съ одной стороны, Москва, Тула, Суздаль, Павловскъ, съ другой,—вотъ точки той окружности, для которой Харьковъ оказывался центромъ, по обстоятельнымъ даннымъ о харьковскихъ ярмаркахъ 1779 г.; прибавимъ къ этому Силезію, Данцигъ, Лейпцигъ, съ которыми изстари торговала Малороссія, доставлявшая теперь ихъ товары въ Харьковъ. Необходимо отмѣтить, что развитіе Харьковской торговли шло параллельно съ усиленіемъ въ Харьковѣ великорусскаго элемента, представителемъ котораго являлось болѣе подвижное, опытное и умѣлое великорусское купечество. Общій характеръ харьковского населенія, съ экономической точки зрѣнія, выражался въ концѣ 18-го в. слѣдующими статистическими данными: 47% всего населенія составляли ремесленники, 18% — хлѣбопашцы, 14% — купцы. Но къ этимъ даннымъ, извлеченнымъ изъ свѣдѣній 1794 г., необходимо сдѣлать такое дополненіе. Если, по свѣдѣніямъ 1780 г. 70% населенія занималось земледѣіемъ, то надо думать, что и въ 1794 г. занималось земледѣіемъ значительно больше 18%, только земледѣіе уже сдѣлалось для нихъ не главнымъ, какъ раньше, а второстепеннымъ, подсобнымъ занятіемъ. Настолько ослабѣлъ, но не сгладился окончательно первоначальный земледѣльческій характеръ Харькова къ началу 19-го вѣка.

Когда черкасы поселились на харьковской территоріи, то первое время они пользовались не только свободой отъ всѣхъ повинностей, кромѣ своей специальной, военной, но имъ предоставлено было ради ихъ «иноземчества» льготы по всякимъ ихъ промысламъ: «чтобъ имъ было съ чего великаго государя полковая служба служить». Но и полковая служба, которую отбывало относительно небольшое число «заможнѣйшихъ», и городова, или осадная, лежавшая на остальныхъ, были не легки, а, главное, дѣлались все труднѣе. Становясь на путь все усложняющихся политическихъ отношеній, государство не стѣснялось предъявлять все усиливающіяся требованія къ новымъ поселенцамъ. Отъ допетровскихъ крымскихъ походовъ харьковскіе казаки перешли къ тѣмъ отдаленнымъ и крайне труднымъ для нихъ походамъ, какіе вызывала Сѣверная война. Но наибольшимъ обремененіемъ служили все-таки не походы, а различные «командираціи», которыя начинаются съ Петра: работы на Ладожскомъ каналѣ, сооруженіе украинской линіи. Здѣсь харьковскіе казаки, наряду съ остальнымъ слободско-украинскимъ и малорусскимъ казачествомъ, отбывало, при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ, тяжелую черную работу. Не въ лучшемъ положеніи была и та большая часть харьковского казачества, которая оставалась дома, — «городская». По отношенію къ казакамъ полковой службы, выборнымъ, она играла роль

подпомощниковъ, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ для службы, замѣняя ихъ въ случаѣ нужды и т. п.; но, помимо этого, на нихъ лежала обязанность строить крѣпость, устраивать въ районѣ города мосты, перевозки и гати, строить и ремонтировать казенныя зданія, отправлять почтовую повинность и, наконецъ, нести повинность постоянную, всегда тягостную, но въ военное время прямо невыносимую. Надо оговориться, впрочемъ, что повинность почтовая, какъ и устройство и ремонтровка крѣпости, мостовъ, зданій, лежала не на однихъ харьковцахъ, а на сотнянахъ всего Харьковскаго полка; но легко представить себѣ, что харьковский обыватель несравненно сильнѣе чувствовалъ тягость всякой подобной натуральной повинности, по сравненію съ сотнянами отдаленныхъ сотенъ, свободными отъ непосредственнаго давленія со стороны власти имѣющихъ. Повинности кореннымъ образомъ измѣнились съ учрежденіемъ губерніи: исчезъ ихъ старый военный характеръ, и отчетливо выступило стремленіе къ замѣнѣ натуральныхъ повинностей денежными. Обыватели Харькова тотчасъ же были обложены «подушнымъ». Но нѣкоторыя натуральныя повинности остались въ прежней силѣ, и между ними на первомъ планѣ — повинность постоянная. Она была чрезвычайно обременительна, такъ что харьковскіе горожане буквально изнемогали подъ ея бременемъ, еще усиливавшимся вслѣдствіе того произвола, какой вносила въ его примѣненіе мѣстная администрація. Со времени введенія Положенія о городахъ дума стремится облегчить тяжесть положенія пріобрѣтеніемъ специальныхъ домовъ для постоя. Это стѣбитъ ей большихъ денегъ и хлопотъ и мало приноситъ пользы обывателямъ, опять-таки въ силу того же произвола, который расширяетъ предѣлы повинности по своему усмотрѣнію, требуя отъ обывателей иногда даже помѣщенія для проѣзжихъ, являющихся въ городъ по своимъ надобностямъ. Учрежденіе намѣстничества усиливаетъ повинности какъ окладныя, такъ и не окладныя, и на общегосударственныя и на мѣстныя городскія надобности. Усиленіе ощущалось тѣмъ чувствительнѣе, что къ этому времени почти окончательно исчезли старыя льготы, которыми пользовалось нѣкогда населеніе города: свобода винокуренія, а затѣмъ и шинкованія, право безпошлинной торговли.

Одной изъ любопытнѣйшихъ страницъ жизни г. Харькова является развитіе его просвѣщенія. Началось оно не съ пустого мѣста, какъ бы это можно было предполагать: харьковскіе черкасы принесли съ собой, со своей малорусской родины, не только опредѣленное стремленіе къ просвѣщенію, но и тѣ учрежденія, которыя служили для удовлетворенія этого стремленія. При каждой изъ вновь возникающихъ церквей появляется школа, точнѣе сказать, — появляется братство, которое беретъ на свое попеченіе всѣ три члена одного сложнаго учрежденія: церковь, школу и шпиталь. Школы эти были, конечно, элементарныя, съ извѣстной программой и установившимися приемами — «дьяковскія школы». По

даннымъ Хрущовской переписи 1732 г., въ Харьковѣ было пять такихъ школъ, что дасть 1 учащагося на 50 человекъ. Но уже въ казакій періодъ своей исторіи Харьковъ обзавелся и высшимъ учебнымъ заведеніемъ: во второй четверти 18-го в. перенесена сюда изъ Бѣлгорода архіерейская школа, извѣстная далѣе подъ именемъ Харьковского коллегіума. Коллегіумъ былъ представителемъ опять-таки извѣстнаго южно-русскаго типа высшей школы съ схоластическимъ и какъ бы специально духовнымъ характеромъ программы, но съ всеословнымъ контингентомъ учащихся. Губернская реформа отозвалась появленіемъ при коллегіумѣ въ 1768 г. такъ называемыхъ Прибавочныхъ классовъ, которые, по характеру преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ, приспособлялись исключительно для свѣтскаго юношества, главнымъ образомъ, дѣтей казачьихъ старшины, которымъ предстояла государственная служба въ новыхъ губернскихъ учрежденіяхъ. Въ силу Екатерининской школьной реформы, въ Харьковѣ было открыто въ 1784 г. Главное Народное училище, съ которымъ и слились Прибавочные классы (иначе—Казенное училище), какъ приближающіеся по характеру и объему программы. Кромѣ Главнаго, были открыты въ Харьковѣ два Малыхъ народныхъ училища. Что сталося со старыми дяковскими школами—неизвѣстно; въ концѣ 18-го в. мы еще видимъ одну изъ нихъ при Троицкой церкви. Коллегіумъ обратился въ духовную семинарію. Такимъ образомъ, и по отношенію къ просвѣщенію губернская реформа имѣла рѣшающій характеръ, въ смыслѣ поворота на иной путь тѣхъ просвѣтительныхъ начинаній, какія имѣли мѣсто и въ казачьей Харьковѣ. Просвѣщеніе приняло тотъ научно-утилитарный, практическій, и вмѣстѣ съ тѣмъ общерусскій характеръ, какой стремился ему придать Петръ Великій, а за нимъ и Екатерина II, преслѣдовавшіе прежде всего общегосударственныя цѣли.

Выдающимся представителемъ мѣстной интеллектуальной жизни во второй половинѣ 18-го в.—имѣющимъ свои корни какъ по отношенію къ своему происхожденію, такъ и по отношенію къ своей научной подготовкѣ и типу своего мышленія въ специально южно-русской культурной стихіи—является Г. С. Сковорода. Какъ городъ Харьковъ былъ локальнымъ просвѣтительнымъ центромъ для обширной слободско-украинской территоріи, такъ Сковорода былъ для нея же просвѣтительнымъ центромъ, личнымъ и подвижнымъ. Нѣкоторое непродолжительное время онъ преподавалъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ и Прибавочныхъ классахъ; затѣмъ часто проживалъ въ Харьковѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ и имѣлъ самое дружеское общеніе со многими изъ харьковскихъ обывателей и выдающихся мѣстныхъ дѣятелей. Трудно привести къ какой-нибудь положительной оцѣнкѣ всю ту совокупность вліяній, какую оказывалъ Сковорода на умственную и нравственную личность современнаго ему харьковскаго обывателя; но несомнѣнно, что оцѣнка эта не должна быть низкой.

Просвѣщеніе, которое распространялось изъ Харькова на его терри-
торію, было не только умственнымъ, но и эстетическимъ. «Классы», иначе
«Казенное училище», вносили въ свою программу также и музыку, жи-
вопись, скульптуру, архитектуру. Проявленіемъ развивающихся эстети-
ческихъ потребностей общества обыкновенно является театръ. Есть осно-
ванія предполагать, что въ Харьковѣ еще въ казацкій періодъ его исторіи
давались при Коллегіумѣ такъ называемыя «вертепныя драмы», какъ
это вообще было принято въ южно-русскихъ просвѣтительныхъ учрежде-
ніяхъ этого рода. Но съ театромъ современнаго типа мы встрѣчаемся
лишь въ концѣ столѣтія. Сначала онъ имѣлъ видъ любительскихъ спек-
таклей; но съ 1789 г. устраивается нѣчто въ родѣ настоящаго театра, съ
постояннымъ казеннымъ помѣщеніемъ въ такъ называемомъ намѣстни-
ческомъ залѣ, но съ любительской труппой, набиравшейся администра-
тивной властью по наряду изъ служащихъ молодыхъ чиновниковъ. Поне-
много появились и профессиональные актеры, а потомъ даже и актрисы.
Ставились комедіи и драмы, переводныя и оригинальныя, Княжнина,
Сумарокова и др., Недоросль Фонъ-Визина, оперетты. Вообще, можно ска-
зать, что театръ процвѣталъ въ Харьковѣ; но смерть Екатерины II и
наступленіе мрачной Павловской эпохи пріостановили развитіе харьков-
скаго театра, который на время прекратилъ свое существованіе.

Параллельно съ измѣненіемъ правовыхъ и экономическихъ условій,
въ какихъ обращалась жизнь харьковского обывателя, съ измѣненіемъ и
ростомъ духовной культуры харьковского общества, происходили измѣ-
ненія и въ формахъ культуры матеріальной. Однородная по типу обста-
новка жизни 17-го вѣка проявила ясные признаки дифференціаціи уже
и въ первой половинѣ 18-го вѣка. Казацкая старшина, выдѣлившись изъ
массы и утвердившись въ своей привилегированной обособленности,
создавала себѣ жизненную обстановку, подчеркивавшую эту обособлен-
ность. Но все-таки разница въ жизненномъ укладѣ между высшимъ и
низшимъ слоемъ населенія была пока больше количественная, чѣмъ
качественная. Настоящая же качественная разница наступила лишь съ
преобразованіемъ Харькова изъ полкового города въ губернской, а въ
особенности въ главный городъ харьковского намѣстничества, когда въ
немъ водворился относительно большой контингентъ русскаго чиновни-
чества. Одновременно съ увеличеніемъ значенія Харькова, какъ админи-
стративнаго центра, растетъ и его торговое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ
усиливается здѣсь великорусскій купеческій элементъ. Общерусское чи-
новничество и великорусское купечество создаютъ въ Харьковѣ совсѣмъ
иную культурную атмосферу. Мѣстное дворянство, и безъ того сильно
наклонное къ сліянію съ дворянствомъ русскимъ, находитъ большую
поддержку этому стремленію въ создавшейся новой культурной атмо-
сферѣ. Такимъ образомъ, высшій слой харьковского общества культурно
отдѣляется отъ низшаго, представляемаго главнымъ образомъ мѣщан-

ствомъ и цеховыми: этотъ низшій слой продолжаетъ пока въ неприкосновенности старую традицію малорусской жизни. Въ концѣ 18-го стол. онъ еще живетъ въ томъ же жизненномъ укладѣ, какой вынесенъ имъ съ малорусской родины,—конечно, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, въ зависимости отъ мѣстныхъ экономическихъ условій: жилище, одежда, пища, обычаи и обряды—все это еще чисто малорусское. Достаточно вспомнить «Сватанне на Гончарівці» и др. произведенія Квитки-Основьяненка, которыя воспроизводятъ жизнь и нравы харьковского обывателя.

Харьковскіе черкасы принесли съ родины свои собственныя черты религіозной культуры, опиравшіяся на нѣкоторыя особенности—исторически развивавшіяся и укрѣпившіяся—западно-русской православной церкви. Здѣсь, на почвѣ Слободской Украины, этимъ особенностямъ пришлось столкнуться съ крѣпкимъ укладомъ восточнаго, московскаго, православія. Харьковъ вошелъ-было сначала въ составъ Патріаршей области, но вскорѣ, по основаніи Бѣлгородской епархіи, отнесенъ къ этой епархіи, въ которой и состоялъ до самаго конца разсматриваемой эпохи. Религіозныя особенности, проявляемыя черкасами, представлялись москвитянамъ, какъ видно изъ воеводскихъ донесеній, «маловѣріемъ, ложью». Бѣлгородскіе владыки преслѣдовали обычай крещенія черезъ обливаніе, а не погруженіе, также западно-русскія церковныя книги, нѣкоторые мѣстные праздники и обряды, представлявшіеся имъ языческими. Но главной почвой для столкновеній было принесенное малоруссами съ ихъ родины отношеніе прихода къ духовенству, разнящееся отъ того, какое выработалось въ Московскомъ государствѣ. Въ Южной Руси приходъ считалъ себя въ правѣ распоряжаться всею своими церковными дѣлами, начиная съ найма священника; церковное братство было, такъ сказать, духовнымъ органомъ прихода. Такія братства существовали въ Харьковѣ со всею ихъ обычными особенностями—братскими столами и медами, братскими дворами, шпиталями и школами. Конечно, церковная власть, опиравшаяся на государство, должна была взять верхъ надъ «черкасскими обыкнностями».

Изъ всего изложеннаго выше ясно, что монографія г.г. Багалѣя и Миллера представляетъ намъ исторію Харькова XVII—XVIII в.в. со всехъ тѣхъ сторонъ, какія входятъ въ научно принятое опредѣленіе понятія жизни исторической. Но, удовлетворяя научнымъ требованіямъ формально, она удовлетворяетъ имъ и по существу: все стороны жизни города, разсматриваемыя монографіей, даютъ въ своей совокупности одну общую схему развитія, свободную отъ внутреннихъ противорѣчій или несоотвѣтствій. Достиженіе такихъ результатовъ представляетъ тѣмъ большее достоинство монографіи, что трудъ этотъ исполненъ, какъ уже сказано выше, почти исключительно на основаніи сырого матеріала. Но это-то именно обстоятельство, дающее такую исключительную цѣну монографіи, и является источникомъ одного ея недостатка. Недостатокъ этотъ заключается во внесеніи

въ нѣкоторыя главы такого количества сырого матеріала, которое, сильно затрудняя чтеніе монографіи большою публикой, въ то же время не оправдывается и научными требованіями полноты и ясности. Укажу, напр., на главу: «Экономическій бытъ—промыслы, торговля, ремесла». Несомнѣнно, она значительно выиграла бы въ интересѣ, если бы весь тотъ матеріалъ, какой она заключаетъ, былъ разработанъ, сгруппированъ и сведенъ къ опредѣленнымъ положеніямъ, а не приведенъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ онъ находится въ источникахъ, при чемъ мы не имѣемъ даже и сравнительной критической оцѣнки этихъ источниковъ. Если имѣются свѣдѣнія объ ярмарочной или постоянной торговлѣ Харькова за 1779 г., 1785 г., 1787 г., 1788 г., то едва ли могутъ быть какія-либо методологическія препятствія сдѣлать сводку этихъ матеріаловъ, которая бы съ экономіей и пользой для дѣла замѣнила многія страницы матеріала, приведеннаго *in extenso*. Въ такой же сводкѣ нуждаются свѣдѣнія о шинкованіи и винокурении. Врядъ ли также оправдывается научными требованіями перечисленіе вѣса винокуренныхъ котловъ у всѣхъ владѣльцевъ, поименное перечисленіе всѣхъ владѣльцевъ лавокъ, шинковъ, наконецъ, голое перечисленіе цѣнъ на всѣ товары, привозимые на харьковскія ярмарки. Точно также въ главѣ 14-й «Домашній бытъ и нравы» не сведенное перечисленіе предметовъ, входившихъ въ составъ имущества трехъ харьковскихъ полковниковъ, несомнѣнно, представляетъ собою сырой матеріалъ, по существу неудобно-усваиваемый,—слѣдовательно, такой, который долженъ быть изгнанъ со страницъ изданія, разсчитывающаго быть изданіемъ не научно-справочнымъ, а научно-литературнымъ. Вообще можно замѣтить, что авторы, по какимъ-то не выясненнымъ причинамъ, не пользовались тѣмъ техническимъ приѣмомъ, который обычно примиряетъ выгоды обыкновеннаго образованнаго читателя съ выгодами специально заинтересованнаго человека, нуждающагося для своихъ цѣлей не только въ выводахъ, но и въ источникахъ—вынесеніемъ матеріала изъ текста въ примѣчанія и приложения. Не могу также не указать, что глава 2-я—«Топографія Харькова»—очень выиграла бы въ интересѣ и ясности, если бы нѣкоторыя топографическія описанія получили характеръ примѣчаній къ приложеннымъ планамъ.

По отношенію къ содержанію труда и его выводамъ, имѣю указать слѣдующій одинъ недостатокъ. Въ нѣсколькихъ главахъ авторамъ приходится касаться вопроса о социальной группировкѣ харьковскихъ черкасъ въ 17-мъ вѣкѣ: въ гл. 3-й—«Составъ и движеніе населенія», въ гл. 5-й—«Городское самоуправленіе», въ гл. 6-й—«Городское хозяйство» и въ гл. 10-й—«Повинности». Въ главѣ 10-й вопросъ объ этой группировкѣ рѣшается опредѣленно и ясно, и, какъ можно думать, вполнѣ правильно. Конечно, харьковскіе черкасы въ 17-мъ вѣкѣ дѣлились только на двѣ группы, какъ принимаетъ гл. 10-я,—людей полковой службы и мѣщанъ—людей службы городской, при чемъ разница между этими группами была не

правовая, а лишь фактическая, вытекавшая изъ разной степени ихъ «заможности», а слѣдовательно, и способности нести ту службу или другую. Но, въ то время какъ въ главѣ 10-й устанавливается категорически вышеизложенная точка зрѣнія на вопросъ, въ главахъ 5-й и 6-й терминъ «мѣщане» выступаетъ съ инымъ значеніемъ, въ связи съ тѣми юридическими опредѣленіями, какія развились на почвѣ западно-русскихъ правовыхъ отношеній. Но здѣсь пока дѣло идетъ только о неясности, которая можетъ быть устранена соотвѣтствующими разъясненіями. Рѣшительно же запутывается вопросъ, если мы привлечемъ главу 3-ю—«Составъ и движеніе населенія». Здѣсь первоначальная социальная группировка харьковского населенія представляется совсѣмъ иначе, такъ что ее нельзя привести къ единству съ утвержденіями главъ послѣдующихъ: дѣло идетъ уже не о неясности, а о полномъ противорѣчій, о двухъ отдѣльныхъ и независимыхъ другъ отъ друга рѣшеніяхъ. Очевидно, мы наталкиваемся здѣсь на невыгодное для труда проявленіе дуализма авторской личности.

Наконецъ, мы встрѣчаемся кое съ чѣмъ, возбуждающимъ недоразумѣніе. еще въ главѣ 1-ой—«Основаніе города Харькова». Здѣсь авторъ выводитъ названіе города Харькова изъ имени «перваго харьковского осадчаго Ивана Каркача»; но какъ примиряется подобное утвержденіе съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, приводимымъ и авторомъ въ той же главѣ, что въ книгѣ Большого Чертежа, составленной за полвѣка до Ивана Каркача, упоминается «рѣка Харькова»?

Вотъ все тѣ отрицательныя стороны разсматриваемой работы, которыя я могу отмѣтить; о ея положительныхъ сторонахъ, о ея выдающихся достоинствахъ—я уже говорила. Здѣсь мнѣ остается только сформулировать сказанное, расширить его и дополнить.

Разсматриваемая работа представляетъ собой по отношенію къ матеріалу нѣчто совершенно новое. Вся она, почти безъ исключенія, основывается на матеріалѣ, добытомъ самими авторами изъ многихъ архивовъ. Не часто въ научной литературѣ можно встрѣтить произведеніе, настолько обработанное, какъ настоящая монографія, и въ то же время представляющее работу по первоисточникамъ, гдѣ авторамъ пришлось обходиться почти безъ всякихъ научныхъ пособій. Надо принять во вниманіе еще и то, что, по конкретному характеру темы, авторы должны были обхватывать одновременно цѣлый большой комплексъ сторонъ и явленій, что, конечно, крайне усложняло подготовительную работу.

Цѣнность же всего новаго, что даетъ разсматриваемый трудъ, обуславливается слѣдующими соображеніями. Монографія «Городъ Харьковъ въ XVII—XVIII» есть единственный трудъ въ своемъ родѣ, такъ какъ ни одинъ русскій городъ не имѣетъ подобной цѣльной и законченной исторіи, дѣйствительно заслуживающей названіе исторіи. Удовлетворяя потребности мѣстнаго культурнаго общества знать свое прошлое, она имѣетъ и теоретическое, научное значеніе, независимо отъ этого ея, такъ

сказать, прикладного, практического характера. Лишь на фундаментъ трудовъ, аналогичныхъ разсматриваемому, можетъ возникнуть будущая научная исторія русскаго города. Исходя изъ общихъ соображеній, можно предполагать, что исторія эта сведется къ установленію нѣсколькихъ типовъ, объединяемыхъ той общей ролью, какую играло государство въ эволюціи этихъ типовъ. Если это такъ, то Харьковъ, въ его исторіи, выясненной настоящимъ трудомъ, долженъ явиться представителемъ опредѣленнаго и значительнаго по своей распространенности типа города окраиннаго. Но среди прочихъ окраинныхъ городовъ исторія Харькова, какъ представителя городовъ слободско-украинскихъ, имѣетъ еще свой специфическій научный интересъ въ томъ, что на его почвѣ столкнулись двѣ русскія народности и самая характерная черта его эволюціи опредѣляется именно этимъ столкновеніемъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что высшая премія, назначенная Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ, должна принадлежать именно «Исторіи города Харькова».

А. Ефименко.